

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ЭМОЦИИ РАДОСТИ В РОМАНЕ АММА АЧЧЫГЫЯ «СААСКЫ КЭМ» («ВЕСЕННЯЯ ПОРА»)

Посвящена изучению способов языковой объективации эмоции радости в тексте романа «Сааскы кэм» («Весенняя пора»). Анализ лексических единиц проводится с применением метода функционально-семантического поля. Лексико-семантическая наполняемость поля определяется спецификой языка и текста. В структурном плане представлено разнообразие словоизменительных и словообразовательных возможностей языка: 1) аффиксация способствует образованию разных форм глагола, деепричастий на -а, -ан, переход в другие части речи (имя существительное, имя прилагательное, наречие); 2) образование аналитических форм глагола при помощи служебных слов; 3) образование парных слов способом словосложения. Семантическая характеристика языковых единиц обусловлена контекстом, актуализируются дополнительные оттенки значения слова, богатство идеографической и контекстуальной синонимии. Ядро поля состоит из лексем-наименований поля «радость». Радость ассоциируется с детством, с чувством тепла и счастья. Центр поля образуют производные прилагательные, наречия, объединенные семей «радостный», и парные слова с компонентом үөр- 'радоваться' в сочетании с другими словами на основе ассоциативной связи по сходству или по контрасту. Периферия поля представлена контекстно обусловленными употреблениями языковых единиц, обозначающих положительное эмоциональное состояние человека: веселье, счастье, игривость, юмор. Внешне радость выражается смехом и улыбкой. В романе радость является зеркальным отражением чувства печали. Радости сопутствуют горе и скорбь, что передается модификацией лексического значения в контексте, употреблением стилистических приемов антитезы, антонимии и иронии. Через тонкое описание эмоционально-психологического состояния человека автору удалось создать мир настроений, полный разных оттенков человеческих эмоций, чувств и взаимоотношений.

Ключевые слова: эмоция радости, семантическое поле, значение слова, контекстуальное значение, семантический признак, дополнительный оттенок значения, семантическая модификация, словообразовательный потенциал, аффиксация, парное слово.

E. N. Afanasieva

Verbalization of the Emotion of Joy in the Novel «Saasky Kem» by Amma Achchygyja

The article is devoted to the study of linguistic objectification of emotion of joy in the novel «Saasky Kem». An analysis of lexical units representing the emotion of joy carried out with the functional-semantic

АФАНАСЬЕВА Евдокия Николаевна – к. филол. н., доцент кафедры английской филологии Политехнического института (филиала) СВФУ им. М. К. Аммосова, г. Мирный.

E-mail: lukow@mail.ru

AFANASYEVA Evdokia Nikolaevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of English Philology, Polytechnic Institute (branch) of the M. K. Ammosov North-Eastern Federal University in Mirny.

field method. The features of language and text determine the lexical and semantic content of the field. In structural terms a variety of inflectional and derivational language features is represented: 1) the affixation of the basic root *yөр- to rejoice* gives a different forms as participles in -a, -an, noun, adjective and adverb, 2) various forms of the analytical verbs, 3) the formation of compound words. Semantic characteristics of the words depend on the context; contextual meaning and synonymy are realized. The core of the field consists of the words denoting «joy». Adjectives and adverbs combined by some «joyful» and pair words with a component *yөр-* in combination with other words based on similarity or contrast form the center of the field. Language units indicating positive emotional states as fun, happiness, playfulness, humor represent the periphery of the field. Externally, the joy is expressed by laugh and smile. The joy and the sadness are two sides of the same coin. The joy is accompanied by grief and sorrow that is denoted by meaning change and by the use of stylistic devices as antithesis, antonyms and irony. A fine description of the emotional and psychological state of the person create a special world of sentiment, full of different shades of human emotions, feelings and relationships.

Keywords: the emotion of joy, semantic field, lexical meaning, contextual meaning, semantic feature, connotation, semantic modification of meaning, word-formation potential, affixation, pair word.

Введение

Роман Н. Е. Мординова-Амма Аччыгыя «Сааскы кэм» занимает особое место в якутской литературе. Произведение, пронизанное добрым оптимизмом и легким юмором, остается популярным и актуальным у современных читателей; по его мотивам ставят театральные спектакли, обсуждают его в интернет-форумах. Исследователи признавали роман одним из лучших прозаических произведений XX века, называли выдающимся явлением литературы саха [1] и признают его «классическим памятником словесности» [2]. Свидетельством высокой оценки является и народное признание романа энциклопедией жизни якутского народа.

С литературоведческой точки зрения произведение исследовано несколькими поколениями ученых и критиков (Г. К. Боевский, Н. П. Канаев, В. Уваров, Ю. Н. Прокопьев, В. Т. Петров, Н. Тобуроков, Д. Е. Васильева, В. Б. Окорокова, З. К. Башарина, А. Ващенко, В. Капустин, А. Н. Мыреева, А. А. Бурцев, В. М. Переверзин и другие). Каждый из них открывает новые грани произведения и представляет собственный вариант интерпретации с точки зрения своего времени. В этом плане произведение по праву остается одним из неиссякаемых образцов якутской классической литературы и оправдывает статус «Книги нации». А. А. Бурцев определяет роман как многогеройную эпопею, в которой представлено все разнообразие якутского общества первых десятилетий XX века: «Подлинная эпическая природа произведения сказалась в создании обобщенного образа народа из целой полифонии судеб и характеров» [3, с. 82].

Исторический фон романа составляют крупные события начала XX века; судьбы героев прослеживаются на фоне Первой мировой войны, Февральской и Октябрьской революций, Гражданской войны и коллективизации. Главный герой Микита взрослеет вместе с молодой советской страной, в конце превращается в твердо стоящего на ногах зрелого человека. На его глазах происходит трансформация общества, процесс становления нового сознания, освоение нового сложного времени. Народ переживает непростое и противоречивое время, несмотря на тяготы жизни, не теряет надежду на лучшее будущее.

Произведение отражает национальную самобытность народа саха в полной мере: «Национальный характер романа Н. Е. Мординова фокусируется, кроме всего прочего, в его языке и стиле» [3, с. 85]. Амма Аччыгыя признан мастером художественного слова, об этом свидетельствует содержание сборника научных статей «Амма Аччыгыя – уран тыл улуу маастара» (2007), посвященного творчеству писателя [4]. Язык романа богат лингвистическими и стилистическими средствами, характеризующими неповторимый стиль писателя. Его отличительной чертой является ярко выраженный эмоциональный компонент, который проявляется в употреблении живых образцов разговорной речи. Языковедов вдохновляет

мастерское владение писателя словом как средством художественной выразительности и стилиобразования. Исследование проблем языковой специфики текста романа охватывает все уровни языка: грамматику, лексику и фразеологию. В конце XX века язык писателя был изучен М. А. Черосовым (крылатые выражения) [5], Г. Г. Филипповым (морфологические и синтаксические особенности языка) [6], Ю. И. Васильевым (сравнительные обороты) [7] и другими. Исследованию лексики и синтаксиса произведений Амма Аччыгыя посвящена серия статей И. П. Винокурова, который обратил внимание на специфику употребления русизмов и речевых структур [8-10]. Современные исследователи продолжают традиции изучения языка писателя, выделяя разнообразие изобразительных средств: категорию итеративности (Е. М. Самсонова), категорию качественности (Н. И. Винокурова), категорию каузативности (Н. И. Данилова), образные и звукоподражательные определения (Г. Г. Торотоев), функционирование фразеологизмов (Л. М. Готовцева) [11]. Исследование В. С. Федоровой, А. А. Григорьевой показывает, что в силу своей выразительности, простоты и корректности язык рассказов писателя может послужить примером речевого этикета [12]. Роман изучается не только с точки зрения литературоведения и языкознания, но и педагогами в воспитательных целях. В этом ключе С. И. Ефремова отмечает историческую роль языка романа «Сааскы кэм» в становлении культуры личности и нации [13]. Несмотря на всеобщее признание статуса языка как литературного образца и освещение отдельных сторон идиолекта и идиостиля писателя, специальное комплексное исследование языка Амма Аччыгыя и, возможно, составление корпуса его произведений, остается объектом изучения для лингвистов.

Цель настоящей работы – выделить функционально-семантическое поле эмоции *РАДОСТЬ* в тексте романа «Сааскы кэм», определить его структуру и содержание. Выбор темы обусловлен высокой степенью эмотивности текста и частотностью употребления глагола *үөр радоваться* и его производных. Методологической основой послужили положения о психологической природе языка (Г. Штейнталь, В. Вундт), о единстве эмоционального и интеллектуального в языке (В. Гумбольдт). При анализе языкового материала применяется метод функционально-семантического поля, так как в центре внимания оказывается функционирование лексических, морфологических и синтаксических средств языка, репрезентирующих эмоцию радости. Вслед за А. В. Бондарко функционально-семантическое поле определяется как «система разноуровневых средств данного языка (морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических, а также комбинированных), объединенных на основе общности и взаимодействия их семантических функций» [14, с. 21-24]. Объектом исследования является эмоция радости как часть категории эмоциональности, предметом – ее языковое выражение.

Эмоция как объект лингвистических исследований

Языковые, речевые, коммуникативные и стилистические средства выражения эмоциональности в языке и в тексте были в центре внимания многих лингвистов (Е. С. Кубрякова, В. И. Шаховский, А. Вежицкая, Н. А. Красавский, М. Д. Городникова, А. П. Бабушкин и др.). В. Г. Гак выделяет два вида языковых средств в тексте: 1) средства, выражающие эмоции (междометия, эмоционально-оценочные восклицания, вербальные реакции); 2) средства, описывающие эмоции (непосредственная реакция на событие). Текст рождается в результате взаимодействия эмоционального и содержательного компонентов: «Эмоциональный аспект, наслаиваясь на объективно-коммуникативный аспект высказывания (то есть на его номинативный аспект), подкрепляет его» [15, с. 646-647]. Исследование эмоций важно и с точки зрения культуры. По мнению А. Вежицкой, интерпретация эмоций зависит от лексической сетки координат, которую дает родной язык, универсальные человеческие эмоции идентифицируются при помощи слов, отражающих культурную специфику [16].

Современная лингвистика все чаще обращается к материалу художественной литературы, в том числе при исследовании способов языковой объективизации эмоций. При этом категория эмоциональности рассматривается с разных сторон в лингвистике, лингвокультурологии, психологии и когнитивных теориях.

Эмоция радости изучается и в рамках отдельного языка, и в сопоставительном плане. Психолог К. Изард считает радость одной из десяти фундаментальных эмоций в мотивационной системе человека наряду с такими эмоциями, как интерес, удивление, горе, гнев, отвращение, презрение, страх, стыд и вина. Радость – это позитивная эмоция, основанная на положительном восприятии мира. Основными характеристиками радости являются позитивное отношение к миру, к себе и ощущение себя в гармоничном единстве с ним: «радостный человек видит мир в его красоте и гармонии, воспринимает людей в их лучших проявлениях» [17, с. 153]. Существуют и другие определения чувства радости как эмоционального состояния, связанного с возможностью полного удовлетворения актуальной потребности [18]. В целом психологи связывают эмоцию радости с положительными перцептивными и когнитивными процессами.

В последние десятилетия появилось много работ по изучению концепта «счастье» в русле современных тенденций, в том числе с использованием материала художественной литературы. Среди них следует выделить специальное лингвокультурологическое исследование семантики концепта «счастье», проведенное С. Г. Воркачевым. На материале русского языка он определяет понятийную, метафорически-образную и значимостную составляющие и описывает функционирование его семантического дублета «блаженство» в религиозном и поэтическом дискурсах [19]. Д. В. Сергеева представила сопоставительный анализ концепта «радость» в английском и русском языках на материале полного корпуса текстов Ф. М. Достоевского и Ч. Диккенса. По ее мнению, сравнение языкового выражения концептов имеет важную роль в изучении этикетной культуры разных народов [20]. Для выявления моделей междоментных фразеологизмов как средств вербализации эмоций Н. В. Скорик использовала произведения англо-американской литературы [21]. Изучение способов выражения эмоций на примере текстов художественной литературы представляет интерес как в рамках отдельно взятого произведения, так и в сопоставительном аспекте и является одним из актуальных направлений в лингвистике.

Структура и содержание функционально-семантического поля РАДОСТЬ в романе «Сааскы кэм»

На основе интегрального признака «радость» лексические единицы, репрезентирующие эмоцию радости, объединены в функционально-семантическое поле.

Ядро поля составляют глагол үөр *радоваться*, обозначающий эмоциональное состояние, и производное имя существительное үөрүү *радость* как основная номинация эмоции. По данным «Словаря якутского языка» Э. К. Пекарского, глагол **үөр** имеет два значения: ср. тюрк үрүн, үргүн, өрүн, *радоваться, веселиться* [22]. В романе раскрываются разные проявления эмоции радости. Герои ощущают радость в общении с родными. В контексте расширяется объем семантической структуры глагола, смысловое наполнение обогащается дополнительными оттенками. Глагол часто встречается в аналитических образованиях в форме деепричастия на -а со вспомогательными глаголами, например, үөрэ түс – *обрадоваться*, при этом значение глагола приобретает признак кратковременности, внезапности: Сөдүөччүйэ үөрэ түстэ [23, с. 150]. *Федосия обрадовалась* [перевод – Е. А.]. А глагол үөрэ ис – *идти и радоваться* имеет признак длительности: «Оҕом абыраннаҕа» диэн үөрэ испитим» (147). «Моему ребенку повезло» [Николай] шёл и радовался про себя.

Антитеза является характерным приемом идиостиля Амма Аччыгыйа. Чувство радости противопоставляется печали. В следующем контексте слово үөр- реализует противоположное значение «злорадствовать» как средство экспликации иронии: [Сөдүөччүйэ Микиитэ] – Нохоо, аҕан өлбүт сураҕын истэн бачча үөрдүн дуо?! 6. [Федосия – Миките] – *Сынок, ты так обрадовался, узнав о смерти отца?*

Функционирование отглагольного имени существительного үөрүү дополняет содержание ядра поля. Радость ассоциируется с ощущением тепла: Онно, сороҕор, дьон дууһалара аһыллаллар, дьон харахтарын түгэхтэригэр үөрүү сылаас толбонноро оонньуулар, дьон сирэй-дэрэ эйбэс мичил сарыалынан сырдыыллар (294). *Там, порой, люди открывают свою душу,*

в глазах играют теплые лучи радости, лица светятся доброй улыбкой. Имя существительное үөрүү встречается в сочетании с личным местоимением в значении посессивности: Кини үөрүүтэ дьонно тийэн, былыыр-былыр көтөн ааспыт оҕо саастарын санаппыт быһыылаах (156). *Его радость передалась другим, видимо, напомнив ему давно ушедшее детство.* Одна из глав романа «Кэриэс» («Память») посвящена образу старика Федора, жизнерадостного человека, сохранившего в преклонном возрасте способность по-детски радоваться жизни: Оҕолуу үөрүү, тэбэнэттээх мичик, күн уота, эрэх долгун, күөх сэбирдэх кини ньууругар охсуллаллар, куолаһыгар иһиллэллэр (307). *Детская радость, задорная улыбка, солнечный свет, рябь волны, зеленая листва отражаются на его [старика] лице, звучат в его голосе.*

Имя существительное үөрүү вместе со служебным глаголом буол- является компонентом аналитического глагола: Онтон сааһыары биир кизэ улахан үөрүү буолла (6). *Весной однажды вечером пришла большая радость.* Радость и счастье, связанные с концом войны, передаются восклицаниями, выраженными параллельной конструкцией:

- О, бу дьолу көр! О, посмотри, какое счастье!

- О, бу үөрүүнү көр! (185). О, посмотри, какая радость!

Иногда братья Микита и Алексей испытывают радость охотника-добытчика: [Микии-тэлээх Өлөксөй] «Бултаннахтарына» үөрүүлэригэр уураһаллар-сыллаһаллар (137). [Микита с Алексеем] *Когда на охоте улыбается удача, они на радостях целуются, обнимаются.*

Благодаря вспомогательным средствам глагол үөр- приобретает темпоральные характеристики, признаки кратковременности и длительности. Противоположное значение «злорадствовать» является средством выражения иронии. Радость ассоциируется с детством, с чувством тепла и счастья.

Центр поля образуют производные прилагательные и наречие, объединенные семей «радостный»: үөрүүлээх *радостный*, үөрүннээн *жизнерадостный*, үөрүүлээхтик *радостно*. А также к нему относятся парные слова, состоящие из глагола үөр- и имени существительного үөрүү *радость* в сочетании с другими словами на основе ассоциативной связи по сходству или контрасту: үөр-көт *радоваться, ликовать*, үөрүү-көтүү *радость, ликование*, үөрүүлээх-көтүүлээх *радостный*, соһуй-үөр *удивляться и радоваться*, үөр-хомой *и радоваться, и огорчаться*, үөрүү-хомолто *и радость, и огорчение*. Парные слова формируют собирательное значение со сложной семантической структурой. В произведении раскрывается весь словообразовательный потенциал глагола, который как базовая единица является продуктивной производящей основой.

Имя прилагательное үөрүүлээх *радостный* употребляется с именами существительными, выполняющими в предложении функцию определения: үөрүүлээх күн *радостный день*, үөрүүлээх кэм *радостное время*: Ол бэйэтэ бу үөрүүлээх кизэһэ туохтан оҕотун атабаастаата, тоҕо хаана хамсаата?! (142). *В этот радостный вечер почему он обидел своего ребенка, отчего так расстроился?!*

Большинство персонажей романа бедные, но жизнерадостные люди. При описании их характера часто употребляются предикаты, выраженные именем прилагательным үөрүннээн *жизнерадостный*: Кини сүрдээх үөрүннээн, үчүгэй майгыннаах киһи [Егордан] (142). *Он жизнерадостный человек с добрым нравом.* В некоторых случаях наблюдается калькированное употребление наречия үөрүүлээхтик *радостно*: Үгүс баайдардааҕар кинилэр үөрүүлээхтик олороллор (53). *Им живет намного радостнее, чем многим богачам.* В якутском языке более уместно сочетание дьоллоохтук олороллор *живут счастливо*, чем үөрүүлээхтик олороллор *живут радостно*. В следующем предложении вместо наречия үөрүүлээхтик уместно употребление деепричастия на ан- үөрэн или үөрүүтүттэн *от радости*: <...> [Оҕонньор] үөрүүлээхтик сана аллайда (310). *[Старик] радостно воскликнул.* Данные примеры актуализируют семантические признаки «полный радости», «жизнерадостный», характеризующие время и настроение людей.

В семантике парных слов чувство радости ассоциируется с полетом, весельем и сочетается с другими эмоциями человека: печалью, грустью и удивлением.

Радость и полет. Ассоциация радости с полетом встречается во многих примерах: Ожонньор үөрэн өрө көтө түһэр (314). *Старик подпрыгивает от радости.* Радость отражается на всем поведении человека, в осанке, движении и жестах. Сочетание глагола үөр- *радоваться* с глаголом көт- *летать* является наиболее частотным. Парный глагол үөр-көт- *радоваться, ликовать* (досл. *радоваться-летать*) употребляется в основном в форме деепричастий:

– в форме деепричастия на -а; Микиитэ үөрэ-көтө ойон тийээр (23). *Микита радостно подбегает.* Уоттарын кытытыгар бары үөрэ-көтө олордулар (29). *Все радостно уселись у огня;*

– в форме деепричастия на -ан: Саас эрдэ Дьөгүөрдээннээх үөрэн-көтөн бэйэлэрин тапталлаах уйаларыгар – быыкаайык балаҕаннарыгар көстүлэр (110). *Ранней весной семья Егордана с радостью переехала в свое любимое гнездышко – маленькую избушку.* Үөрэн-көтөн көрсүһүү буолла... (179). *Произошла радостная встреча.*

Способностью радоваться наделяются и неодушевленные предметы (лодка, флаг), персонификация представлена в следующем сравнении: Балачча үлэлээбитин кэннэ тыыта босхолонон, үөрбүт-көппүт курдук дьондос гына түстэ (8). *Освободившись от длительного труда, лодка радостно приподнялась.* Айан суолун кытытыгар кыһыл былаахтара үөрэ-көтө тэлимнэхэллэр (308). *У обочины дороги радостно развеваются красные флаги.*

Ирония – один из эффективных стилистических приемов автора – выражена антонимией прилагательных өйдөөх *умный* и акаары *глупый* и глаголов үөр-көт- *радоваться, ликовать* и аһый- *горевать*, ытаа- *плакать*: [Маайа] үтүө дьахтар, өйдөөх дьахтар, эн үөрээр-көтөөр. Мин акаары киһи, аһыйабын, ытыыбын... (37). [Майя] ты благородная, умная женищина, радуйся, а я, глупый человек, горюю, плачу...

Парное существительное үөрүү-көтүү *большая радость, веселье* может употребляться как самостоятельное назывное предложение, а также встречается в усеченных восклицательных предложениях и в перечислении: Үөрүү-көтүү. (141, 246). Үөрүү-көтүү! (185), Үөрүү-көтүү, ас-үөл. Дьоро киэһэ (28). Для текста типично употребление аналитической конструкции, состоящей из именного сказуемого со вспомогательным глаголом буол-: үөрүү-көтүү буолар, үлэ күүһүрэр... (86). ... *радуются, работа спорится...* Үрүн дыбарыас иһигэр үөрүү-көтүү буолар (21). *Белый дворец наполняется радостью.* Парное слово также употребляется в функции определения с аффиксом -лаах: үөрүүлээх-көтүүлээх уонна санаарҕааһыннаах ырыалар, түргэн битиилээх уонна саймаархай холук ырыалар суксуруһа ылланаллар (306). *Поют радостные и грустные, быстрые и протяжные песни.* Үөрүүлээх-көтүүлээх, сэргэх ырыа ыһыллар (307). *Разливается жизнерадостная живая песня.* Чувство радости вызывает оживление и веселье.

Радость и смех. В романе в полной мере реализуются словообразовательные и словоизменительные возможности глагола күл- *смеяться, хохотать*. Саала күлэн ньирилии түстэ (316). *Зал взрывается от смеха.* Глагол часто употребляется в сочетании с глаголом үөр-, образуя синонимический ряд: Күлэллэр, үөрэллэр (53). [Они] смеются, радуются.

Глагол образует удвоенные и парные слова. Глагол күл- употребляется в форме деепричастия на -а и -ан: Онтон күлэ-күлэ Микиитэ утуйан хаалар... (17). *Затем Микита, смеясь, засыпает...* Удвоенное деепричастие на -ан с эмфатическим удлинением гласного используется при имитации интонирования устной речи: Күлээн-күлэн баран эмискэччи уоскуйда <...> (70). *Смеялся, смеялся и внезапно успокоился.* Смех может быть детским, радостным, счастливым, задорным, веселым и добродушным. Подобные деепричастия в редуцированном виде выражают продолжительность, многократность и интенсивность действия [24].

В парном слове глагол үөр- *радоваться* занимает либо препозицию, либо постпозицию. Глагол күл-үөр имеет значение смеяться, балагурить, радуясь от всей души [25]; досл. *смеяться и радоваться*. Часто встречается в перечислении: Суолу быһа күлэ-үөрэ, сэхэргэһэ истилэр (156). *Всю дорогу они разговаривали, радовались и смеялись.* Способность радоваться свойственна всем: и детям, и пожилым: Ожонньор дьону, дойдуну көрөн дуоһуйан табыста,

сытта, сыннѣанна, күллэ-үөрдэ (303). *Старик, посмотрев на людей в городе, вернулся довольный, полежа, отдохнул, радовался и смеялся.*

Используя прием контраста, автор передает резкую смену настроения героев – радость сменяется печалью: Били күлэ-үөрэ олорор дьон бары кирийдилэр, кыччаатылар, суһук-туйдулар (87). *Только что радостно смеявшиеся люди вдруг приникли, скукожились, по-мрачнели.* [Туллуктаан] Күлэ-үөрэ турбута ханна да суох буолан, дьэбидийэ түстэ... (170). *[Туллуктан] стоял радовался и смеялся, вдруг резко поменялся в лице.*

Радость и огорчение. В парных словах глагол үөр- сочетается с антонимом хомой- *огорчаться*. Глагол хомой- употребляется и самостоятельно, а в составе парного слова үөр-х-омой- формирует обобщенное значение *и радоваться, и огорчаться*. Баһылай оҕонньор бары хамсыырга-харамайга, кыылга-сүөһүгэ барытыгар киһилии өйү-санааны, үөрэр-хомойор дьоһурдары анаталыыр (103). *Старик Василий наделяет всех животных, зверей, скотину человеческим умом и способностью радоваться и огорчаться.* Нередко встречаются формы парного слова с аффиксом -лаах, например, Кини [Бүөтүччэ] ... бэйэтэ туох эрэ санаалаах, үөрүүлээх-хомолтолоох, онуоха эбии кырдыаҕас тойону сорууан кыйахыра чахчы биллэр (82). *У него [Петруши] есть свои мысли, радости и печали, к тому же видно, что он нарочно дразнил пожилого господина.*

Радость и удивление. Глагол соһуй-үөр (соһуй- удивляться) обозначает радостное удивление: Кими барытын соһуйа-үөрэ көрсөр үчүгэй майгыннаах Такыйаах оҕонньор: Дьэ, оонньоон-көрүлээн хааллахпыт! – диэмэхтиир (65). *Добродушный старик Такыйаах, всех встречающий с радостным удивлением, говорит: Давайте играть и веселиться!*

Периферия поля представлена контекстно обусловленными употреблениями языковых единиц, выражающих положительное эмоциональное состояние человека: смех, улыбка, веселье, счастье, игривость, юмор. Подобные слова в контексте образуют синонимические ряды глаголов күл- *смеяться*, мичилий- *радостно улыбаться*; көрүлээ- *веселиться*, күл-оонньоо- *смеяться*, *играть*, күл-сал- *смеяться*, *веселиться*, күл-үөр- *смеяться*, *радоваться*, оонньоо-көрүлээ- *играть*, *веселиться* и имен существительных дьол-соргу *огромное счастье*, көр-нар *веселье*, айдаан-күлүү шум-гам, смех. Герои романа – люди добродушные, счастливые, веселые, большинство из них полны юмора и ощущения семейного тепла. Им незнакомо чувство одиночества, в общении между собой они часто смеются. Смех как яркое проявление радости является одним из основных характеристик персонажей, кто-то смеется редко и тихо, а кто-то много и задорно. В парном имени существительном айдаан-күлүү шум-гам, смех компонент айдаан шум-гам дополняет семантику слова күлүү смех: Оҕолор тустан муостаҕа үнкүрүйэллэр, бэргэһэни өрүтэ тэбиэлииллэр, күдэн куппас көтөр, айдаан-күлүү күүгүнүүр (34). *Дети, борясь друг с другом, кувыркаются на полу, кидают шапки вверх, поднимают пыль, стоит шум и гам.*

Глагол күл смеяться употребляется в сочетании с глаголом оонньоо *играть*: Бу киэһэни быһа Сүөдэр оҕонньор туохтан эрэ санныйбыт курдук буолла, күлбэтэ, оонньообото (314). *Этим вечером старик Федор грустил от чего-то, не смеялся и не шутил.* Нередко эти глаголы сочетаются с парным словом күл-оонньоо смеяться, играть, веселиться: Ити күнтэн ыла Дааһа тосту уларыйда, күлбэт-оонньообот буолла (55). *С того самого дня Дааһа резко изменилась, больше она не шутила и не смеялась.* В предложении компоненты парного слова могут поменяться местами. В форме деепричастия на -а оно служит в качестве обстоятельства образа действия: Эбэтэр Киргизлэй «бэстилизэнэй тыһыынча» диэн сүрдээх ынырык суолу оонньоу-күлэ кэпсиир (117). *Или Григорий весело рассказывает страшные истории о конце света, о «последнем тысячелетии».* В тексте встречаются конструкции с отглагольным именем существительным күлүү-оонньоу смех, веселье, досл. смех-игра: Быыкайык балаҕанна туох барыта тийибэт. Арай күлүү-оонньоу дэлэй, кинилэр баайдара ол (53). *В маленькой юрте достатка мало. Зато полно смеха и веселья, вот их настоящее богатство.*

Одним из частотных парных глаголов является күл-сал смеяться, веселиться [24]: Миитэ-рэй үөрдэ-көттө, күллэ-салла (199). *Дмитрий обрадовался, развеселился.* Микиитэ быраатын

кууспахтыыр, илгизлиир, тула көтөр, быыстала суох санарар, күлэр-салар (351). *Микита обнимает брата, потряхивает его, говоря без умолку, радостно бегаёт вокруг него.*

Персонажей объединяет совместный труд: Ол курдук набыл үлэ, көр-нар (128). *Так и было, слаженная работа, веселье.* Самый лучший праздник – конец войны. Радость сопровождается песнями и танцами. Имя существительное көр-нар *веселье, забава* [24] употребляется с аффиксом -лаах и с вспомогательным глаголом буол-: Түүннээх-күн көр-нар буолла. Ырыаһыт үнкүүлээтэ, үнкүүһүт ыллаата (187). *Веселье продолжалось весь день и ночь. Певцы затанцевали, танцоры запели.* Гостеприимство – главная черта хозяев, они скучают, когда гости не ходят: Киргизэлэйдээххэ ыалдыт аанньа сылдыбат, көр-нар суох (116). *К Григорьевым гости перестали ходить, больше никто не веселится.*

Счастье и радость неотделимы, парное имя существительное дьол-соргу *огромное счастье* передает проявление высшего счастья: Микиитэ айыы аймаҕар, күн улууһугар тийэн тыл эттэ, саҥа санарда: «өрөгөй-талаан буолла, дьол-соргу буолла!» (21). *Микита идет к народу айыы, солнечному роду и держит слово: «торжествуйте, наступило огромное счастье!».*

Заключение

Эмоции являются, с одной стороны, универсальным психологическим переживанием, с другой стороны, они имеют культурную специфику. Функционально-семантическое поле эмоции РАДОСТЬ в тексте романа имеет полноценную структуру и насыщенное содержание, отражающее специфику эмоционального вокабуляра произведения. Эмоциональное состояние человека и его отношение к окружающему миру передаются языковыми единицами разного уровня. Поле имеет иерархическую организацию, состоящую из трех элементов: ядра, центра и периферии.

Ядерный глагол и производное от него имя существительное, обозначающие положительное эмоциональное состояние, представляют имя поля. Благодаря вспомогательным средствам аналитическая форма глагола приобретает признаки кратковременности и длительности. Также в контексте глагол реализует противоположное значение «злорадствовать». Анализ ядерных элементов показывает, что радость ассоциируется с детством, с чувствами тепла и счастья.

Центральные элементы дополняют поле семантическими признаками «полный радости», «жизнерадостный», характеризующими время и людей. Парные слова с компонентом үөр- обогащают семантическую характеристику поля, связывая радость с чувством полета, ей сопутствует печаль. Радость дополняется темпоральными признаками, она может наступить внезапно, продолжаться или смениться грустью. Внешне она выражается смехом и улыбкой. В романе представлены разные оттенки смеха, который может быть детским, радостным, счастливым, задорным, веселым и добродушным. Периферия поля представлена контекстно обусловленными употреблениями языковых единиц, выражающих положительное эмоциональное состояние человека: веселье, счастье, игривость, юмор.

В ходе анализа выявлены разные способы манифестации эмоции радости в структурном и семантическом планах. Аффиксальное словоизменение и словообразование, аналитические формы глагола, словосложение, редупликация способствуют модификации значения основы слова и актуализации дополнительных оттенков значения слова. Для передачи эмоции радости автор Н. Е. Мординов-Амма Аччыгыйа использует разнообразные синтаксические средства, также как восклицательные предложения, параллельные и усеченные конструкции, перечисление. Лексика выступает следующим важным источником выражения эмоций. В контексте происходит семантическое преобразование лексического значения слова вплоть до приобретения им противоположного значения. Богатая идеографическая и контекстуальная синонимия демонстрирует связь чувства радости с поведением и настроением человека. Радость и счастье – неотделимые чувства – проявляются в виде веселья и ликования.

Радость является зеркальным отражением чувства печали. Контраст передается лингвистическими и стилистическими средствами, изменением семантики слов, употреблением приемов антитезы, антонимии и иронии. Источником радости героев становятся встреча

с родными, общение в кругу друзей, совместный труд, любая удача, конец войны и другие события в их жизни. Через описание эмоционально-психологического состояния персонажей автору удалось создать особый мир настроений, полный разных оттенков человеческих эмоций, чувств и взаимоотношений.

Л и т е р а т у р а

1. Переверзин В. М. Художественный мир Николая Мординова-Амма Аччыгыя в зеркале эстетики // Переверзин В. М. Грани художественной правды. – Якутск, 1997. – С. 83-89.
2. Ефремова С. И. Роман Н. Е. Мординова-Амма Аччыгыя «Весенняя пора»: сравнительный анализ двух редакций: сюжет, композиция, образы. Дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.02. – Якутск, 2006. – 260 с.
3. Бурцев А. А. Черты поэтики романа Н. Е. Мординова «Весенняя пора» // Вестник СВФУ. – Якутск, 2012. – Т. 9, № 4. – С. 80-87.
4. Амма Аччыгыя – уран тыл улуу маастара: ыстатыйалар хомуурунуктара / Ред. Окурокова В. Б. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 2007. – 155 с.
5. Черосов М. М. Крылатые выражения в произведениях Амма Аччыгыя // Хотугу сулус. – Якутск, 1981. – № 1. – С. 91-94.
6. Филиппов Г. Г. Улуу Саха // Амма Аччыгыя – уран тыл улуу маастара. – Дьокуускай: СГУ, 2007. – С. 19-33.
7. Васильев Ю. И. «Сааскы кэм» тэһнэбиллэрэ // Хотугу сулус. – Якутск, 1988. – № 1. – С. 86-88.
8. Винокуров И. П. О языке «Весенней поры» // Хотугу сулус. – Якутск, 1981. – № 6. – С. 96-102.
9. Винокуров И. П. Айымньыга нуучча тыла (Амма Аччыгыһын «Сааскы кэминэн») // Проблемы двуязычия (многоязычия) в современном социокультурном пространстве. – Якутск: Изд-во ИГИ АН РС (Я), 2007. – С. 210-216.
10. Винокуров И. П. Амма Аччыгыя персонаж саңатын бизириитэ // Амма Аччыгыя – уран тыл улуу маастара: ыстатыйалар хомуурунуктара / Ред. Окурокова В. Б. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 2007. – С. 112-120.
11. О. Н. Бетлингк и вопросы тюркской филологии: сборник научных статей. – Якутск: Изд-во ИГИИПМНС СО РАН, 2003. – 212 с.
12. Федорова В. С., Григорьева М. А. Амма Аччыгыя кэпсээннэригэр кэпсэтии этикиэтин холобура // Стилистика якутского языка: состояние, перспективы: сборник статей I республиканской научной конференции по стилистике якутского языка. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 2008. – С. 260-262.
13. Ефремова С. И. Личность культууратыгар уонна нация культууратыгар Амма Аччыгыя «Сааскы кэм» романын тылын-өһүн исторической оруола // Саха уран тыла: кыраапыка, арпагыраапыа, тиэрмин үөрэбэ, истилиистикэ уонна туттуу эйгэтэ: Саха бастакы линкибинс ученайа С. О. Нобуруодап төрөөбүтэ 115 сылыгар анааллаах өрөспүүбүлүкэтээҕи научнай-практической кэмпириэнсийэ матырыяаллара. – Якутск, 2008. – С. 111-113.
14. Бондарко А. В. Функциональная грамматика. – Л.: Наука, 1984. – 136 с.
15. Гак В. Г. Языковые преобразования. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 763 с.
16. Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А. Д. Шмелева под ред. Т. В. Булыгиной. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – I-XII. – 776 с.
17. Изард К. Э. Психология эмоций / Пер. с англ. – СПб.: Изд-во «Питер», 2000. – 464 с.
18. Рогов Е. И. Эмоции и воля. – М.: Гуманит. Изд. центр ВЛАДОС, 2001. – 240 с.
19. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: Гнозис, 2004. – 192 с.
20. Сергеева Д. В. Концепт «радость» в русском и английском языках (сопоставительный анализ на материале произведений Ф. М. Достоевского и Ч. Диккенса): Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – М., 2004. – 207 с.
21. Скорик Н. В. Вербализация эмоций в художественном произведении // Вестник Тюменского государственного университета. – Тюмень, 2008. – № 1. – С. 140-146.
22. Пекарский. Словарь якутского языка. – Т. III. – Вып. 10-13. – Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 3147 стб.
23. Амма Аччыгыя. Сааскы кэм. – Якутск: Изд-во «Бичик», 1994. – 357 с.
24. Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология / Отв. ред. Е. И. Убрятова. – М.: Наука, 1982. – 496 с.

25. Большой толковый словарь якутского языка – Саха тылын Быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 13 т. Т. IV: Буква К / Под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2007. – 672 с.

References

1. Pereverzin V. M. Khudozhestvennyi mir Nikolaia Mordinova-Amma Achchygyia v zerkale estetiki // Pereverzin V. M. Grani khudozhestvennoi pravdy. – Yakutsk, 1997. – S. 83-89.
2. Efremova S. I. Roman N. E. Mordinova-Amma Achchygyia «Vesenniaia pora»: sravnitel'nyi analiz dvukh redaktsii: siuzhet, kompozitsiia, obrazy. Diss. ... kand. filol. nauk: 10.01.02. – Yakutsk, 2006. – 260 s.
3. Burtsev A. A. Cherty poetiki romana N. E. Mordinova «Vesenniaia pora» // Vestnik SVFU. – Yakutsk, 2012. – Т. 9, № 4. – S. 80-87.
4. Amma Achchygyia – uran tyl uluu maastara: ystatyalar khomuurun'uktara / Red. Okorokova V. B. – Yakutsk: Izd-vo IaGU, 2007. – 155 s.
5. Cherosov M. M. Krylatye vyrazheniia v proizvedeniakh Amma Achchygyia // Khotugu sulus. – Yakutsk, 1981. – № 1. – S. 91-94.
6. Filippov G. G. Uluu Sakha // Amma Achchygyia – uran tyl uluu maastara. – D'okuuskai: SGU, 2007. – S. 19-33.
7. Vasil'ev Iu. I. «Saasky kem» ternebillere // Khotugu sulus. – Yakutsk, 1988. – № 1. – S. 86-88.
8. Vinokurov I. P. O iazyke «Vesennei pory» // Khotugu sulus. – Yakutsk, 1981. – № 6. – S. 96-102.
9. Vinokurov I. P. Aiyymn'ya nuuchcha tyla (Amma Achchygyiyn «Saasky keminen») // Problemy dvuia-zychiia (mnogoiazychiia) v sovremenном sotsiokul'turnom prostranstve. – Yakutsk: Izd-vo IGI AN RS (Ia), 2007. – S. 210-216.
10. Vinokurov I. P. Amma Achchygyia personazh sahatyn bieriite // Amma Achchygyia – uran tyl uluu maastara: ystatyalar khomuurun'uktara / Red. Okorokova V. B. – Yakutsk: Izd-vo IaGU, 2007. – S. 112-120.
11. O. N. Betlingk i voprosy tiurkskoi filologii: sbornik nauchnykh statei. – Yakutsk: Izd-vo IGIIPMNS SO RAN, 2003. – 212 s.
12. Fedorova V. S., Grigor'eva M. A. Amma Achchygyia kepseenneriger kepsetii etikietin kholobura // Stilistika iakutskogo iazyka: sostoianie, perspektivy: sbornik statei I respublikanskoi nauchnoi konferentsii po stilistike iakutskogo iazyka. – Yakutsk: Izd-vo IaGU, 2008. – S. 260-262.
13. Efremova S. I. Lichnost' kul'turatygar uonna natsiia kul'turatygar Amma Achchygyia «Saasky kem» romanyn tylyn-ohyn istoricheskai oruola // Sakha uran tyla: kyraapyka, arpagyraapyia, tiermin yoreje, istiliis-tike uonna tuttuu eigete: Sakha bastaky linkibiis uchenaia S. O. Nojurudap toroobyte 115 sylygar anallaakh orospuybylyketeesi nauchnai-prakticheskai kempiriensiie matyryiaallara. – Yakutsk, 2008. – S. 111-113.
14. Bondarko A. V. Funktsional'naia grammatika. – L.: Nauka, 1984. – 136 s.
15. Gak V. G. Iazykovye preobrazovaniia. – M.: Iazyki russkoi kul'tury, 1998. – 763 s.
16. Vezhbtskaia A. Semanticheskie universalii i opisanie iazykov / Per. s angl. A. D. Shmeleva pod red. T. V. Bulyginoi. – M.: «Iazyki russkoi kul'tury», 1999. – I-XII. – 776 s.
17. Izard K. E. Psikhologiiia emotsii / Per. s angl. – SPb.: Izd-vo «Piter», 2000. – 464 s.
18. Rogov E. I. Emotsii i volia. – M.: Gumanit. Izd. tsentr VLADOS, 2001. – 240 s.
19. Vorkachev S. G. Schast'e kak lingvokul'turnyi kontsept. – M.: Gnozis, 2004. – 192 s.
20. Sergeeva D. V. Kontsept «radowst'» v russkom i angliiskom iazykakh (sopostavitel'nyi analiz na materia-le proizvedenii F. M. Dostoevskogo i Ch. Dikkensa): Diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. – M., 2004. – 207 s.
21. Skorik N. V. Verbalizatsiia emotsii v khudozhestvennom proizvedenii // Vestnik Tiimenskogo gosudarstvennogo universiteta. – Tiumen', 2008. – № 1. – S. 140-146.
22. Pekarskii. Slovar' iakutskogo iazyka. – Т. III. – Vyp. 10-13. – L.: Izd-vo AN SSSR, 1959. – 3147 stb.
23. Amma Achchygyia. Saasky kem. – Yakutsk: Izd-vo «Bichik», 1994. – 357 s.
24. Grammatika sovremennogo iakutskogo literaturnogo iazyka. Fonetika i morfologiiia / Otv. red. E. I. Ubriatova. – M.: Nauka, 1982. – 496 s.
25. Bol'shoi tolkovyi slovar' iakutskogo iazyka – Sakha tylyn Byhaarylaakh ulakhan tyld'yta: v 13 t. Т. IV: Буква К / Под ред. P. A. Sleptsova. – Novosibirsk: Nauka, 2007. – 672 s.

